

МИСТЕРИЯ

П.И. Симуш

КОДЫ БЛОКА И ЕСЕНИНА КАК СИНОНИМ РОССИИ

Аннотация. Автор решает весьма актуальную задачу прочтения мистического опыта поэтов-пророков, который соотносится формулой Д.И. Менделеева о российском «серединном царстве». Медианная идея есть по сути синоним страны, преодолевающей крайности своего трагического пути. Предлагаемая филологическая версия сочетает «философское» и «научное» с «богословским»; она расшифровывает коды России, революции и национального сознания.

Ключевые слова: филология, середина России, крайности, Христос, национальная идентичность, отечественная изоморфность, пророческая информация, национальная революция.

Самая загадочная страна?

Мне представляется эвристически привлекательным образ России в лице двух гениев: Александра Александровича Блока (1880-1921) и Сергея Александровича Есенина (1895-1925). В своем творчестве они утверждали и отрицали российскую действительность, которая связана «с понятиями возможности и необходимости, занимая середину между ними»¹. Воспроизводя в поэзии и прозе отечественную действительность своего времени, А.А. Блок и С.А. Есенин различали в ней двоякий смысл: 1) наличие фактов сознания и познания в самих себе и 2) действительность вещей и явлений в их истинном содержании. И то, что происходило в их креативном мышлении, было действительным: оно существовало как рациональное в их поэтических произведениях.

О Блоке и Есенине мы знаем довольно много; они удостоились особых областей филологии. Советское блоковедение и есениноведение рассматривало свои персоноцентризмы через призму обьятий Великой Октябрьской Социалистической революции (ВОСР). Но в действительности такового исключительного события не было; ВОСР — это лишь один из трех этапов великой российской революции (между Февральским и Ноябрь-

ским этапами). В последнем месяце революционный Семнадцатый год поднялся на свою вершину благодаря выборам Учредительного собрания (УС). Осуществилась мечта всей прогрессивной России, лелеемая ею с конца XIX в. Оценивая без какого-либо предубеждения десятилетияшнюю революцию, можно вслед за Блоком и Есениным признать ее величие в лоне революционного гуманизма и пацифизма. Воюющая страна явилась перед всем миром как родившаяся медианная нация, крестными отцами которой являются Блок и Есенин. Россияне тогда предстали самыми революционными и демократичными в мире; они стремились к единству, имея ценный опыт четырех российских Дум, который прививал стране культуру компромисса. Выборы УС воспроизвели ценнейшую традицию русской соборности, совпали с восстановлением патриаршества. Патриарху Тихону, патриотам Блоку, Есенину, генералу Корнилову досталась непомерно тяжелая доля возглавить русскую нацию. Но им противостоял радикализм Ленина и Троцкого.

Сказанное звучит мистично? Даже современные думцы, которым надлежало серьезно разобраться в смысле событий 1917 г., предпочли бездумно исключить из красных дат календаря слово «революция». Оно было любимым для двух поэтов-гениев; национальная революция была выстрадана отечественной историей. Парадокс состоит в том, что «революция» входит в мудрость Серебряного века, которая должна воплощаться сегодня, когда, говоря блоковскими словами, «в воздухе — ужасное: тупое, ни с

¹ Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. С. 110.

Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта 13-03-00041
«Философское содержание поэзии «серебряного века»: прошлое для будущего»

чем не сравнимое равнодушие». Лучше Блока не сказать: «Революция — это: я не один, а мы»². Ему открылась ее таинственная глубина, вслед за Блоком мы можем «причаститься родной стихии» и напомнить миру о величии Семнадцатого года «звуком, словом, движением — тем, чем владеет поэт»³. По признанию Есенина, ему открывается «скрытая внутренняя сила русской мистики». Правда о ней высказана также мистическим народным поэтом Николаем Клюевым: его страна «преисполнена тайн и чудес». Одну из тайн раскрывают есенинские произведения, сочетающие революционность с любовью: «Не губить пришли мы в мире, / А любить и верить». Но народ тогда не услышал «пророка Есенина Сергея» и позволил большевикам опрокинуть российскую «лодку», которая была демократической державой в мире. Для познания России целесообразно использовать девять граней (по Менделееву). Их синонимы: вещество, сила, дух; инстинкт, разум, воля; свобода, труд, долг⁴.

Блок и Есенин напоминают о таинственности бытия и, как ключ, объясняющий ее, вводят ряд слов, выражающих значение мистики. По Далю, она есть нечто таинственное, загадочное, сверхъестественное, имеющего сокрытое, иносказательное значение. С. Есенин звал себя «Божьей дудкой», А. Блок — автор сокрытых притчей, похожих на библейские. Одна «песня из песен» — история любви Поэта и Прекрасной Дамы⁵. Таинственное у поэтов есть опыты постижения отечественной интегральности (тело, душа, дух).

Постигаемая мистика российскости

На вопрос о том, что есть мистика, дает свой ответ В.С. Соловьев⁶. Великий мыслитель размышлял над определением нации, которая есть не то, что сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности. Понять трагическую реальность России «во времени» XX в. невозможно без знания кода нации, личности человека. Именно в лицах, персонах заключены таинственная государственность и гражданственность России, вера в их силу и осмысленность.

Исследуя русскую культуру, Ю.М. Лотман пришел к выводу, что «история, отраженная в одном человеке... изо-

морфна истории человечества»⁷. Размышляя над проблемой отечественной изоморфности, мы можем угадать в биографиях «созвездия гениев» судьбу российской нации. Ибо личное и общее отражается друг в друге и могут познаваться друг через друга. Более того, Блока присуща убежденность в том, что «в каждом дышит дух народа», что «сыны отражены в отцах»; ему дороги «Заветы темной старины». Россияне пребывают в «истинном мистическом сумраке годов»⁸. Поэтому в нашем трагическом сознании преобладают «неслиянность всего», непримиримые противоречия. Последние как раз и требуют, по Блоку, «примирения».

Остро потребное сегодня слово «мистика» означает многообразную совокупность вещей, явлений и действий, которые особым образом связывают человека с таинственными началами — центром и силами мира. Эту «божественность» пора ввести в науку как синоним абсолютной истины. Пушкин, Достоевский, Блок, Есенин обращались к духу как объекту интеллектуального созерцания и они смогли увидеть дух так, как мы видим тело и чувствуем душу. Мистическое представляется независимым как от условий пространства и времени, так и физической причинности. Наглядным примером может служить мгновенный распад гигантского Советского Союза. Мне представляется, что в настоящее время филологии легче всего применять понятие «Бог» как верховное, высшее начало перспективного интегрального мировоззрения, хотя уяснить подлинную связь мистики с практикой весьма непросто. Но нас поддержит мысль Гоголя: классики сильнее других слышат Божью руку на всем...

В своем обращении к «Пушкинскому дому» Блок просит бессмертного гения: «Дай нам руку в непогоду, / Помогите в немой борьбе!». Более немой, более подспудной, чем теперешняя борьба света с тьмой, меньшинства с большинством, Россия еще не знала. Одни считают, что «мы самые демократичные в мире», другие опровергают этот тезис; одна половина народа — религиозная, другая — атеистическая; одна сотая часть населения владеет более чем двумя третями всех материальных объектов; разрыв между богатством и бедностью колоссальный. Но страну удерживает от окончательного раскола не коррумпированная власть, чуждая народу, а мистический персоноцентризм, называемый президентством, на самом деле являющимся традиционным монархизмом. Он восходит к постоянству российской любви к большинству и к традициям русской общины. Эти особенности присутствовали в характерах Блока и Есенина, склонных также к мистике.

Новый Завет обозначил греческим словом «Евангелие» («Благая весть») всю совокупность христианского воззрения. Жизнь и учение Христа были поразительным

² Блок А.А. Дневник // Блок А.А. Собр. соч.: в 8-и т. Т. 7. М.-Л., 1963. С. 328.

³ Там же. С. 405.

⁴ Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. С. 129, 406.

⁵ См.: Сеничев С.Ю. Александр и Любовь. М.: Вагриус, 2007.

⁶ Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. С. 287-291.

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... СПб., 1994. С. 389.

⁸ Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Л., 1980. С. 271.

образом «вписаны» в биографические рамки Александра Блока и Сергея Есенина. Они поведали свои Евангелия, свои Радостные Вести о встречах с Богочеловеком. Не станем сравнивать их Евангелия с книгами апостолов, своими глазами видевших Сына Божия, жившего на Земле. И все же мы имеем прекрасные созерцания поэтами явлений Провидения. Они воспринимают Бога как совокупность законов природы, общества и мышления, еще непонятых ими, но уже ощущаемыми. Так определяет Бога историк В.О. Ключевский, исследователь русскости и российскости.

Отгадка загадки Сфинкса

На мой взгляд, современная филологическая мысль может привести новые плоды на почве нашего национального мистицизма, усматривая последний именно в мистической склонности Блока и Есенина понять Россию — Сфинкса. Они выяснили для себя общий вопрос от отношении между знанием и верой, искусством и религией. И здесь любопытно заметить, что Блок и Есенин представляют собой интеллектуальную деятельность, пытающуюся понять двигатели России. Историческая действительность, конфликтная реальность вошла в поэзию А. Блока и С. Есенина. Их мистические предчувствия сменялись вполне земными представлениями, и мы можем исполнить просьбу поэта: «Остановись, премудрый, как Эдип, / Пред Сфинксом с древнею загадкой!»

Используя формулу «Россия — Сфинкс», мы получаем также ее злое продолжение, по Ф.И. Тютчеву: «...И тем она верней / Своим искусом губит человека, / Что, может статься, никакой от века / Загадки нет и не было у ней». Но с этим предположительно не согласятся Блок и Есенин. Они слишком рано покинули землю, но почему-то их уход происходил в «сопровождении» Иисуса Христа. Личное пространство-время у Блока и Есенина можно представить как реальную или опытную мистику; последняя была пророческой, прорицательной. Блок и Есенин стремились, используя слова Вл. Соловьева, усматривать непосредственно явления и предметы, не находящиеся в их пространственном и временном кругозоре. «Да, был я пророком... Но я человек...» — так определяет Блок свой путь; ему было «тяжело ходить среди людей / И притворяться непогибшим...» Блок и Есенин приглашают нас войти в круг их переживаний, чтобы полно воспринять мистику единства и полноты нации, сочетающей в себе большинство и меньшинство. Однако природа русской российскости заключает в себе любовь к большинству (народности) и недоверие, а и даже ненависть к разным меньшинствам. Сергей Есенин пожелал «раскачиваться» между этими крайностями, Александр Блок одобрил его намерение.

Христианство предполагает не только любовь и страдание, но и возмездие и покаяние. В этих понятиях — четыре душевно-духовных закона, составляющих альфу и омегу мировоззрений Блока и Есенина. Постигая их, я склонен думать, что наши гении вслед за Протагором могли сформулировать космологический антропный принцип: «Мыслящий и нравственный человек есть мера всему». И как раз от человека исходят не только разум и мораль, но и глупость и зло. А исходить может и должна блоковская и есенинская человечность. Будучи абсолютным началом культуры, человеческая личность способна дать ответ Сфинксу: «Эго я — человек». Российская Конституция, провозгласив приоритет человека, все еще — декларация о намерениях.

«Раскинулась необозримо / Уже кровавая заря»: Порт-Артур, Цусима, Девятое января, Мировая война, революционные бури... «Страна — под бременем обид, / Под игом наглого насилия... / Взывая к совести и к жизни...» (из блоковского «Возмездия»). За первой революцией, вслед за нею наступило, как сказано в Предисловии к «Возмездию», «неистинное мистическое похмелье». В повторении этих трех слов — главное качество «лихих» 90-х гг. XX в. В первом десятилетии XXI в. благополучие досталось меньшинству. Но Провидению, которое воздействует на жизнь, угодно воплотиться в реальную народную жизнь в качестве справедливости и правды. Они уходят своими корнями в вечную коллизию двух начал — общественно-государственных интересов и начала прав личности. В этой коллизии — тайна загадки Сфинкса, разгаданной великим философом России Семеном Франком, православным, считавшим себя русским евреем⁹.

Таинственность двух поэтов представлена в целой библиотеке книг и особенно пронизательно в работе К.И. Чуковского «Александр Блок как человек и поэт» (1922, 1924, 1990, 2010). Перед исследователями «открылись торные пути», пролагаемые в блоковский «рай песен». Эти альтернативные пути сочетают в себе веру с безверием, любовь и нелюбовь к Христу, пафос и иронию. Блоковская поэтика отличается двойственностью, ее стремление — «затуманить стихотворную речь». «Туман» сгушался так, что сам автор поэмы «Двенадцать» не мог до конца разгадать ее смысла. И если в советскую пору было принято критиковать литературоведов за то, что они освещают творчество поэта «неким мистическим светом» (слова Н. Венграва, 1963 г.), то теперь мы — в ожидании божественного освещения.

Блок и Есенин в своих произведениях стремились очеловечить юдоль действительности. По их примеру нам надо идти по этой юдоли достойно, жить в борьбе, разрешающей коллизию между общим и индивидуальным.

⁹ См.: Франк С.Л. Государство и личность // Новый путь. 1904. Ноябрь. С. 309.

«Поэма философская» Блока (1900) провозглашает три послышки: тело, душа, дух. «Их союз — к природной духа власти, / К подчиненью тела — их союз. . .» «Тело не властно идти против велений души. . .» Оно «исполняет законы» души и духа и «вечно подвластно» им. . . «Власти тайное зерно» заключено в «Вечном духе». Что есть душевное, по Блоку? Оно — «умо-сердечное» и «мудро-любовное», «Афина бессмертная с неумирающим Эросом». И что есть «вдохновенно-духовное»? Его власть — в вечном общении; оно — Божество и Творчество, Интуиция и Совесть. Размышление двадцатилетнего Блока о трех философских послышках не могут не удивлять нас сегодня. Он «темный разум просветил» и ведет людей «из вечной тьмы».

Однако современные политики смотрят на массы, как на пассивный материал, назначение которого — осуществлять их надуманные схемы и обязательные предписания. Они не понимают того, что российский народ, раз только в нем пробудилось самосознание, перестает играть роль «стада» и «быдла».

Да, мистики-реалисты Блок и Есенин, несмотря на их увлечения и крайности, были живыми людьми и революционерами. Развенчивая плод буржуазной мысли — догматизм потребления, они своей революционностью духа стремились разбить оковы эгоизма и рабского приспособления к жизни. Без этих оков пребывали Блок и Есенин. Перед их глазами картина революционного пробуждения России.

Блок и Есенин предлагают нам обратить внимание на загадочную антиномичность России: 1) православная страна является одновременно антихристианской, языческой, склонной к бунту «бессмысленному и беспощадному»; 2) христианская любовь к людям Россия сочетает с жестокостью и человеконенавистничеством; 3) сочетание Матерью-Отечеством женственности, терпения, пассивности с мужеством, героизмом и самопожертвованием; 4) единение всемирной отзывчивости, всечеловечности с деревенским кругозором и равнодушием к миру; 5) вольность и свобода, по-русски, оборачивается покорностью и рабством. Эти антиномии отгадывали Блок и Есенин; они проиллюстрировали тезисами все пять особенностей российской идентичности.

Сказуемые евангелия от Блока

Интегральный свет блоковского евангелия, его благой вести, направлены прежде всего на *сказуемые*, которыми, по мнению К.И. Чуковского, мыслил поэт. В его поэзии содержится совокупность главных членов предложений, обозначающих действия или состояния предметов, обозначенных подлежащими. Блоковские сказуемые реально-опытного свойства — это форма ясновидения, деятельной мистики.

Как *мистическое явление, Россия — Сфинкс*, действует во времени и в пространстве и способна вызывать или останавливать ход жизни одним властным «внушением». «И опять мы к тебе, Россия, / Добреем из чужой земли». В воображении поэта, «как любовь», светит над страной звезда: «И горит звезда Вифлеема / Так светло, как любовь моя».

Сказуемое «Россия» имеет своим корнем Родину и Отечество. Первая категория — воплощение прекрасной женственности, вторая — это мужественность «товарищей»; от имени последних Блок заявляет: «Мы станем — братья!» Но пока люди не стали братством, один или группа господствуют над другими. В идеале политическая власть должна иметь высшую религиозную, а по сути — нравственную санкцию. В подобном представлении русские сходны с евреями, у которых, по мнению Вл. Соловьева, «связь властителя с высшей волей устанавливалась через посредство особых боговдохновенных людей-пророков. . .» Но, в отличие от Израиля, русские пророки не могли помазывать на царство особых лиц. Поэтому на российском престоле восседало безответственное лицо имп. Николая II. И «жизни мгла», по Блоку, стала «еще бездомней, еще страшней».

В *сказуемом народ* Блок видит объемное социально-духовное содержание, позволяющее народу жить вечно, не исчезая и не погибая. В недрах народной массы живут цивилизация и культура, рождается и крепнет «дух музыки». От народа растет «царство русское», которое «не пройдет вовек: / Как то предвидел Дух и Даниил предрек. . .» Только благодаря народу Россия способна исполнить свою триединую миссию — державно-государственную, цивилитарно-национальную и духовно-душевную. А что мешает этому исполнению? В 1905 г. Блок указал на «сытых», в адрес которых брошено гневное слово: «Они давно меня томили: / В разгаре девственной мечты / Они скучали, и не жили, / И мяли белые цветы». В год второй русской революции «сытые» сместили даже Медного Всадника: теперь там «стоит буржуй на перекрестке и в воротник упрятал нос».

Следующим *сказуемым* у Блока выступает *человек*. Именно индивида, личность имеет прежде всего в виду Блок, ибо в его глазах государство — не только вторично, но даже третично после человека и общества. Оно — для лиц, людей, народа, но не наоборот. Быть их автором, значит не мечтать и «не парить в облаках», а видеть грешного человека в высотах нравственности. Здесь и теперь, как и во времена Блока и Есенина, свершаются мировые трагедии. На высоте, писал Иванов-Разумник, выдерживают «испытание в грозе и буре» символические «двенадцать» Они «. . .идут без имени святого. . . / Ко всему готовы, / Ничего не жаль». Но «все двенадцать — вдаль» глядя, видят не только русскую, но и мировую даль. «Красногвардейцам» дано самим Христом нести миру новую Благоую весть, возвещать

человечеству блоковское евангелие. Ибо у них «В белом венчике из роз — / Впереди Иисус Христос».

Неужели «двенадцать уголовников» вел в будущее Сам Христос? Не восхваляя красногвардейцев, автор «Двенадцати», говоря его словами, «только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на *этом пути*, то увидишь «Иисуса Христа» (Дневник, 10 марта 1918 г.). Поразительная констатация!¹⁰ По революционному пути ведет всю Россию Сам Христос! Поэтому звучание хаоса было Христовой гармонией, «музыкой революции». Ее надо было тогда слышать, по-блоковски. Можно вслушиваться в революционную музыку и теперь, хотя по воле правителей само понятие «революция» предано «забвению».

Показывая грешную природу людей, их противоречивость, необходимость выбирать между добром и злом, А. Блок высказывает важную мысль: жизнь индивида и общества совмещает действительность и идеал, протекает в формах сущего и должного. Здесь сказывается воздействие разных обстоятельств, условий места и времени. И гражданину незачем уподобляться сказочному персонажу, который живет только верой в чудо и в то, что Россию спасет только воля Божества. Да, вера возвышенная, спасительная, но в единстве со знанием и наукой. Но что же все-таки берет верх? У «поэта обожаний», естественно, — обожание. Рисуя реально-мистический образ России, Блок, по мнению К. Чуковского, «начинал с омерзения для того, чтобы в конце появился Христос» Я не склонен, подобно современному исследователю, считать красногвардейцев только «революционными уголовниками». Уместно напомнить о том, что даже Блоку был присущ грех великой гордыни, который сопровождал весь его недолгий век, и эта гордыня сочеталась с убийственным унынием¹¹. Сочетание внутренних противоположностей питало раздумья Блока о «Возмездии». Этот духовный закон — еще одно *сказуемо*¹², причастное к року России. Интерпретируя мысль Ибсена, можно сказать, что возмездие — это юность, в применении к нашей стране — это ее первое тысячелетие, во втором она станет зрелой. В своем Предисловии к поэме «Возмездие» А. Блок убеждается в том, что жизнь сопровождается лейтмотивом возмездия...»¹³.

Этот трагический мотив сопровождает и отечественную историю: Первая смута, Вторая смута и ныне — Третья. В жизненном трагизме истории, говоря блоковскими словами, «слышится голос Возмездия». Он призывает к обдумыванию причин господства аморализма. Блок предлагает нам задуматься «О том, что в здешнем мире живо,

/ О том, как зреет гнев в сердцах, / И с гневом — юность и свобода, / Как в каждом дышит дух народа».

Век девятнадцатый, по Блоку, был «железный, / Воистину жестокий век!» Век двадцатый стал стальным и еще более жестоким. Каким же будет XXI век? «Век буржуазного богатства» Блок отождествляет с реалиями «растущего незримого зла». В XX в. «под знаком равенства и братства» не только «зрели», но и совершались «темные дела...» Человек жил и живет «безвольно»; жизнь всегда пытается дух. И в XX в., и в XXI в. те, кто двигает и управляет «марионетками всех стран», знает, что делает, «посылая Гуманистический туман». Извлечем ли мы в XXI в. урок «Двадцатого века», когда была «еще страшнее жизни могла»? И снова «Страна — под бременем обид...» и «Безмолвствует народный гений...» Закон Возмездия действует, он продолжает свое шествие.

Глаголы есенинского пророчества

Есенинская философия раскрывает тайну жизни России, ее витальную середину¹⁴. Будучи избранником Проведения, Сергей Есенин ощущал в великих событиях скрытую связь с Богом. Это очень ярко проявилось в его раздумьях по поводу будущего национальной революции, охватившей десять месяцев 1917 г. Представлять ее явь нельзя было без огромной энергии. Ему она была дана, и при ее проявлении «мудростью пухнет слово». Он хорошо знал Библию и русский фольклор. Слова часто выражали истины, заключенные в мудрости Св. Писания. Магия его слов исключительно сильна. В поэме «Июния» он «так говорит по Библии», чтобы привести читателя к «Божеству живых». В есенинском творчестве освещены две России: Святая Русь и греховное государство.

Великий грех царизма при имп. Николае II, ввязавшегося в мировую войну, взбудоражил сознание Есенина. Ему удастся в июле 1916 г. предсказать, глядя в глаза царицы и ее дочерей, их предстоящий трагизм. Конец зимы 1917 г. был концом романовской династии, предсказанным юным Михаилом Лермонтовым в 1830 г. (См.: «Предсказание»). «Черный день» Российской империи стал светлым днем «пророка Есенина Сергея». Он встретился с «дорогим гостем» (Христом), принял космическую информацию.

Евангельские глаголы были высказаны в есенинском «Певущем зове», который прозвучал в публичном пространстве в апреле революционного 17-го года. Устами Провидения автор призывает публику постигать мир, Бога и углублять наше знание о жизни. Он пришел в этот мир, чтобы «все познать, ничего не взять». Призыв к познанию

¹⁰ Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.-Л., 1963. С. 330.

¹¹ См.: Сеничев С.Ю. Александр и Любовь. М.: Вагриус, 2007.

¹² См.: Фаликов И. Фактор фонаря. Владивосток, 2012.

¹³ Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Л., 1980. С. 274.

¹⁴ Исследовано в моей монографии: Поэтическая мудрость С.А. Есенина. М.: ИФ РАН, 2008.

действительно исключительно важен. Почему же? Да потому, что мы не знаем Божественное начало, нам абсолют мало интересен. Постепенно отвыкая от высокой цели, от серьезного понимания задач эпохи, мы в отличие от Есенина не ощущаем запредельного, неизвестного, непознанного. Есенин понимал Бога как Любовь, Веру и Мэру. Обращаясь к крестьянской России, он спрашивал: «Как мне тебя не ласкать, не любить?» Ведь я, поэт, познаю Родину, и счастье приносит глагол «постигать».

Избранником «таинственного мира» высказано также пожелание для человечества: надо еще *верить и мерить*. Теперь-то мы знаем, что лучше верить в Бого-человека, в человечность, чем в мессию пролетариата, совершающего всемирную революцию освобождения от власти капитала. На своем отечественном опыте мы также узнали, что человеколюбие, солидарность между людьми предпочтительнее, чем классовая ненависть и неприязнь к другому человеку. Есенин разделял библейские высказывания о наших отношениях к другим людям. «Кто теснит бедного, тот хулит Творца его; чуждый же Его благоволит нуждающемуся». «Не один ли Бог сотворил нас? Почему же мы вероломно поступаем друг против друга?» (Притч. 14, 31; Мал. 2, 10).

Греховная часть России противостоит нравственной Руси. Но чем является эта часть? Она есть сумма преступлений закона. В Евангелии сказано: «Грех есть беззаконие» (1 Иоан. 3, 4).

Нам, россиянам, особо любящим крайности, должна быть важна переданная Есенину мысль о законе умеренности. Забвение этого закона — наш роковой недостаток. Поэтому в крайних проявлениях российских революций и реформ отсутствует мера и присутствует беззаконие и беспредел. Мера — это таинственность за семью печатями. Есенин не побоялся познавать тайну меры через любовь к крайностям. Его трагический опыт поучителен для современного общества, которое в условиях «чарующего обмана» не вникло в смысл меры. В хаосе лихорадочного рынка, быстрой смены явлений и событий людям некогда серьезно задумываться над уравниванием богатства и бедности. Общество мало размышляет над налоговой политикой, при которой чем человек беднее, тем больше платит налогов. Из зловещего омута нам пора выбирать. В эпоху цветущего многообразия «Жить нужно легче и «проще», «Все принимая, что есть на свете» хорошего. Чтобы Россия не была плохим государством, не надо «строить ее на чужой манер».

Многообразие жизни выстрадано народом и вместе с ним Есениным. Миросозерцание поэта национально ориентировано, говоря его словами, оно не держит курса на Америку, а является глубоко отечественной по своей сути. Философия Есенина — ценность, имеющая особую, познавательную силу, ибо правдива перед лицом

Провидения. Есенинская мысль включает в себя пророческое откровение, формулу священных целей России. Поэтому — смею утверждать — Есенин является автором проекта новой политической философии России. В настоящее время такой философии (национальной идеи) нашей стране еще не предложено. Дебаты по поводу национальной идеи зашли в тупик. На транснациональных идеях глобализма невероятно трудно возводить Россию как великую суверенную державу.

Новая эпоха должна принять «пророка Есенина Сергея» в Отечестве своем. Оно официально отказалось от навязанного ему атеизма и материализма. Идеологический режим большевизма, который отверг «есенинщину», разрушился. В этом отношении постсоветская Россия принципиально отличается от Советского Союза, хотя инерция атеизма в массах еще довольно ощутима. Молодежь не знает Св. Писания и не чувствует всей остроты и драматизма борьбы между добром и злом. Страна испытывает острейший дефицит *есенинской правдивости*.

В свое время Есенин воспротивился тому, каким образом — неистово и яростно — навязывалась стране идеология Маркса, безбожная по своей сути. Пророк же любил и познавал Бога; он был апостолом Иисуса Христа. Его духовность указывает на правильное направление движения России. Своим обращением к «правде родительских снов» поэт воспекает мощную духовную власть, которая из минувшего через настоящее глядит в будущее.

Нам необходимо принять пророка в нашем Отечестве еще и потому, что Сергей Есенин подсказывает ответ на вызов Соединенных Штатов. Он предвидел, что эта «отколотая половина земли» станет диктовать свои условия всему миру. В XXI в. новые реалии подтверждают веру Есенина: «О верю, верю — будет телиться твой восток!» («Пришествие», 1917). Таинственный зов благодати призывает людей к со-творчеству и к со-трудничеству.

Величие людям дают мысли и великие слова. По мнению Н.М. Карамзина, «слова принадлежат веку, а мысли векам». Бога, Богочеловека и Дух можно и нужно познавать, — считал русский пророк. Постигание, вера, любовь и мера — эту есенинскую тетраду можно признать за vital center России.

Сергей Есенин более всего желал *иметь ум Христов*, о котором говорится в первом послании к коринфянам ап. Павла. Он советует судить духовно. «Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов (1 Корин. 2:16). Мы нуждаемся в познании Высшего разума. Есенин считал, что образу Спасителя нужно воскреснуть и восстановиться в сознании русского народа. Но для этого нужно осознать, что Россия совершила грех упущения — избрала кровавый путь. Есенинский

мистический путь другой: вера в Божественную Троицу и тетраду глаголов: жить в мире означает, что надо его постигать, верить, любить и мерить. Я убежден в том, что Россия может возродиться, если изменит свое отношение к Сергею Есенину и публично скажет: «Есть пророк в отечестве своем». Нашему обществу уже пора признать пророческое явление С.А. Есенина.

Действующий разум дает надежду человеку самовыражаться и достигать своего равновесного существования. Оно выводилось Есениным из собственного опыта «раскачивания на качелях жизни». Этот опыт завершился гибелью «экспериментатора» и доказательством неизбежного примата меры и мерности. Своим выстраданным евангелием Есенин выставил заслон на пути ненависти, принося в жертву свою жизнь, доказал, что человек силен мерой и должен жить в меру собственного самоограничения и самообуздания. Человеческое в человеке, человечность — вот тот дар, который принес в этот мир национальный гений. Он хотел «все познать» и действительно понял значение в жизни действующего разума. Но поймет ли это современная Россия? Искомой середине (познание, вера, любовь, мера) посвящено евангелие Есенина.

«Возмездие» и «Преображение»

Лейтмотив первого понятия выделяется у Блока; лейтмотив второго мы замечаем у Есенина. Оба поэта продолжают линию свободы человека, — линию, носящую имена А.Н. Радищева — смелого глашатая Вольности — и А.С. Пушкина — «певца свободы и империи». На пушкинский призыв: «Встань, встань, пророк России!..» откликнулся юноша Лермонтов. В стихотворении «Предсказание» (1830) он предугадал судьбу России как величайший кризис: «Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет, / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь...»

Очевидцами самого значительного после первой русской смуты национального кризиса были Блок и Есенин. Два века рабства обернулись возмездием, поскольку Россию загадил «человеческий шлак». Позорный строй жизни внушал «отвращение». Блоковские проклятия мы слышим во вступительных строках «Возмездия». Их трудно читать без глубокого волнения. Ведь XXI в. похож на Двадцатый век, бездомный, со страшной мглой, «чернее и огромней» тени «Люциферова крыла». Блок вводит ключевое слово «гибель», которое куется «день и ночь». Нам надо почаще вспоминать это слово, сталкиваясь каждодневно с «черным человеческим бытом». И по примеру Блока прозревать мистичность своей «кровной, родной страны».

Россия представляла собою «мужицкое царство», была всем и вся в существе Сергея Есенина: «Мир

таинственный, мир мой древний». В нем заключены *человеческие душа и дух*. Душа — это разум, чувства и воля людей, а дух — общение, совесть и интуиция. Растворенные в мире души и дух воспринимались Блоком и Есениным как «жизнь жизни». Крестьянский образ жизни по своей сути мистичен, таил в себе трагедию. Она означает страдание особого типа, имеющее свой алгоритм, познанный есенинской мудростью Жизненный трагизм села остается напоминанием о возмездии, которое повисло над Россией за нехристианское отношение господ к крестьянской судьбе.

В духе Христа переживали драму деревни Блок и Есенин. Первый, доходя «до жизни и смерти», призывал своим оптимизмом революцию, способную обнаружить «в человеческом мусоре драгоценные жемчужины духа». По его убеждению, именно в огне революционном чернь преобразуется не просто в народ, а в революционный народ. Фактом в оценке Блока было чудовищно мутное сознание крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции. Свое отношение к революции Блок сравнивал с бердяевским: «революции никакой и не было, все — галлюцинация, движения в хаосе и анархии не бывает...» В дневнике, 7 января 1919 г. Блок написал: «... какое освобождение и какая полнота жизни (насколько доступной была она), вот я — до 1917 г., путь среди революций, *верный путь*»¹⁵. Своим акцентом на верности выбора своего, российского пути Блок опровергает ошибочность звучащих в 90-е годы тезисов о тупике, в который Россия попала в революционный Семнадцатый год.

Признавая изоморфность личности и общественно-го движения, Блок вывел формулу: «Революция — это: я — не один, а мы. / Реакция — одиночество, бездарность, мять глину»¹⁶. Более того, по замечанию К.И. Чуковского, Блок, «когда он говорил о России, мне казалось, что и Россию он чувствует всем телом, как боль» Его писания были внушены предчувствием страшной беды, и она в виде войны пришла. Гибель царской России была неизбежна, спасение виделось им только в революции, «Чтоб молнией живой расколот / Был мрак, где не видать ни зги!» (1907). И когда произошла революция 1917 г., то «Блок встретил ее с какой-то религиозной радостью, как праздник *духовного* преобразования России»¹⁷. Не уверен в том, что надо оспаривать утверждение К. Чуковского о том, что в революции Блок «любил только экстаз»; начиная с 1918 г. ему «показалось, что экстатический период русской революции кончился»... «Он разоча-

¹⁵ Блок А.А. Дневник // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.-Л., 1963. С. 411, 454.

¹⁶ Там же. С. 328.

¹⁷ Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт. М.: Русский путь, 2010. С. 53, 42.

ровался не в революции, но в людях: их не переделать никакой революцией»¹⁸.

Семнадцатый год у Есенина замечательно исследован филологами¹⁹. В февральско-мартовских событиях он почувал, что пришла великая таинственность: «Разбуди меня завтра рано, / О моя терпеливая мать!» Зачем это надо? Избранник Свыше обязан «за дорожным курганом / Дорогого гостя встречать». Таинственная встреча состоялась и «знаменитый русский поэт» в полную силу своего таланта воспел Благою весть Христа. Однако по воле людей началось время темное и беспощадное, потому что «пал сраженный пулей младенец Иисус» (так звучит старообрядчески Иисус). В «Певущем зове» прозвучали радость по поводу наступления «новой купели» и хвала Богу. Однако сыны Запада не хотят, чтобы Христос сказал человечеству правду, хотя «Звезда Востока» уже «загорелась». Людям следует опомниться: «... братья, мои люди, / Где вы? Отзовитесь!» Отозваться им надо на мистические глаголы «Певущего зова». Они указывали на другой путь, который имеет своим синонимом Покаяние.

Разливаясь по российской земле, политические события докатились до «Октября» и «Учредилки». Поэт-пророк напоминает о «правде родительских снов», которая «покоится в равнинах», о великом значении русских монастырей, о «Воспрянувшей Руси». Но перед пророческим взором «Пляшет ... Буйственная Русь», в ушах рев «Февральской метели», вновь видна заря, которая подобно волчице гонит лихо Двуперстным крылом (вновь напоминание о старообрядчестве). Пророк молится чудотворцу: «Я сын твой... Научился смотреть в тебя»...

19-20 июля 1917 г. в селе Константиново Есенин славит весну, волховский звон вольности, разгул Василия Буслаева и людей Волги, Каспия и Дона. Хотя у пророка «горит на плечах Необъемлемый шар», но он «сзывает к столам» «все русское племя» — отважное, с гордым духом. 15 августа поэт напомнил вновь о своей вере: «О, я верю — знать за муки / Над пропащим мужиком — / Кто-то ласковые руки / Проливает молоком». Для Есенина этот «Кто-то» — Христос. Он напоил его глаза «тайным тихим светом», своей ласковостью освободил от грусти «О прекрасной, но нездешней, / Неразгаданной земле». Поэт от Бога полюбил «мир и вечность, / Как родительский очаг». Ему представляется Бог, Он слышит свой дух «про край холмов, / Где есть рожденье в посеве слов». Постоянно думая об Иисусе, поэт видит картину Его казни, слышит Его последний крик: «Или, Или, лама савахфани». Этим святым словам посвящены стихотворение и приглашение к другу поэта Надежде Вольпин обсудить изречение Христа. Можно

предположить, что Есенин пророчествовал, что в случае своей гибели он произнесет это святое изречение.

В поэме «Октоих» пророк вновь призывает: «Встань, прозри и вижди! Неосказуем рок». Ему дано знать «час и срок», когда «Взойдет в корабль звезды» тот, кто мыслит девою. Дар мыслить по-Божьему был дан поэту. Вместе с людьми он должен прийти к Христу на допрос: «Гей вы нелюди — люди, Народ, / Выходите с дороги вперед». И российский народ дорогой к Учредительному собранию мог установить подлинное народовластие вместо однопартийной диктатуры. «Верю я, как ликам чудотворным, / В мой потайный час. / Он придет бродягой подзаборным, / Нерушимый Спас». Почти на крике прозвучало есенинское слово: «О Родина!»

Октябрем 1917 г., который назван Мариной Цветаевой как «октябрьские смертные дни», помечено стихотворение Есенина «Пришествие». Пророк просит Бога Саваофа прикрыть своего сына Иисуса и обещает окропить Его крест. Именно Крест учит понимать Россию. Любя ее, Рильке сказал: «Есть такая страна — Бог, Россия граничит с ней». Глаголом русской судьбы явилось есенинское «Преображение», оно пухло мудростью и обещало «звездами пророчить». Но большевики заставили Россию слушать другого пророка — К. Маркса.

Сергей Есенин прошел пророческий путь к истинной вере в Любовь, Красоту и Добро, то есть к вере в «божество живых», по его признанию. Он не стал привычно-религиозным человеком, который поклоняется иконам и соблюдает обряды. Но он не был и протестантом. Судьба подсказала ему выбор на поле между верой в Бога и атеизмом. Атеисту ничего не остается, кроме земли, вера Есенина — это вера в Россию, которая приняла революцию пацифизма, но отвергла заказ партии — прославлять Великий Октябрь. Последний не лучше Февраля, но гораздо хуже Ноября — вершины народоправства.

Революционные бури обступали также Александра Блока, взволнованного множеством фактов и событий. Но он не терялся и стал связывать их воедино, чувствуя неразрывную органическую связь между народом и стихией, между интеллигенцией и революцией. Всем, по его мнению, надлежало слушать Революцию.

Сегодня трудно представить себе предположение Блока, что Россия когда-то предаст забвению этот призыв. И все-таки он мог бы это предположить, клеймя засилие пошлятины, которая на рубеже веков (XX и XXI) правит бал. Сегодня нас должна тревожить ситуация, которая, по подобию цивилизованных стран Запада, повторена в России: мы также «сейчас захлебнулись в выборном мошенничестве, выборном взяточничестве» («Интеллигенция и Революция»).

Преображение России представлялось Блоку и Есенину на основе нравственности, но для первого — в

¹⁸ Там же. С. 44.

¹⁹ См.: Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 2 (1917-1920). М.: ИММ РАН, 2005.

городской культуре, для второго — в «таинственном мире» села. Блок считал спасительной «Мораль: покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества...» Для этого, продолжал он, «необходим долгий труд цивилизации»²⁰. Сергей Есенин зорко всматривался в приметы советской нови, сочетаемой с крестьянскими традициями. Об этом моя книга, написанная в настроении большой тревоги и надежды²¹. Стихийный выход из аграрного коллективизма породил еще большую тревогу за судьбу аграриев, но крестьянский сын советует надеяться на пробуждение активизма «Инонии»: «Наша вера в силе, / Наша правда — в нас!» Осмелюсь сейчас добавить: «Наш выбор — в Блоке и Есенине, в союзе города и села, но не в их рыночном противостоянии».

Труднейший выбор середины

Александр Блок и Сергей Есенин оптимистичны. Первый говорит нам: «жизнь прекрасна», второй советует: «Все принимая, что есть на свете». Трудно представить себе что-либо парадоксальнее оценочных суждений о российской судьбе. Она в своей целостности вопиюще двоякая: вроде айсберга. Достаточно вспомнить «Бесов» Достоевского и «Двенадцать» Блока. Федор Михайлович умер в январе 1881 г., а в марте того же года народники убили имп. Александра II — Освободителя. Россия столкнулась со своими подпольными бесами и с решением проблемы грядущего восстания — революции. Ее по-своему, самодержавно и жестко, пытался отодвинуть имп. Александр III. Названный Миротворцем, государь более всего опасался войны как предтечи революции.

Опасение, предупреждение и наказ по поводу войны умирающий Александр III передал своему преемнику. Но выбор имп. Николая II был роковым: пренебрежение завещанием своего отца; Антанты привязала Российскую империю к англо-французской колеснице войны. Русский царизм запечатлел пророчества Пушкина, Лермонтова и Достоевского о бунте, «черном дне» и революции. Сегодня мы можем развивать скорбные мысли об упомянутых предсказаниях. К ним можно добавить воспоминание о мужественном поступке В.С. Соловьева, который предлагал царю помиловать революционеров, и о приходе на историческую сцену мощного вождя В.И. Ленина. Он даже увидел в «зеркале русской революции» гения Льва Толстого, но не обратил внимания на гениальный менделеевский о медианной идее, о том, что есть Россия: «срединное царство»²².

²⁰ Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.-Л., 1963. С. 411.

²¹ Симуш П.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991.

²² Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1907; М.: Айрис Пресс, 2002. С. 216.

Отечественная история на удивление парадоксальна. Не Ленин — главный революционер, а Николай II. Первый видел революционный праздник через многие лета, а второй подтолкнул страну к страшной всероссийской катастрофе. Ее приближение в глухом клочкотанье различали не только Ф. Достоевский и К. Леонтьев, но и поэты — А. Блок и С. Есенин. Столкнувшись с революционной одержимостью эсеров и большевиков, они даже сотрудничали с последними, но не связали себя формальным партийным членством. Придерживаясь пушкинского девиза «Иная, лучшая потребность мне свобода», лучше не связываться ни с либералами, ни с большевиками... Классическая филология в совершенстве сознает свое объединяющее, надпартийное значение. Только в ее словаре «философское», «научное», «богословское» может сочетаться с «мистическим»; это сочетание позволяет сказать: «Видимое — это верхушка айсберга, а сам он (синоним России) предстает мистическим феноменом». Политики сегодня пытаются играть свои роли, а им нужно научиться постигать российскую таинственность. Это как раз и делали русские классики. Каждый был самим собой и при помощи поэзии общался с миром. Пребывание Блока и Есенина в публичном пространстве — поистине революционное: они старались говорить о сокровенном на доступном поэтическом языке.

Мышление Блока и Есенина содержало в себе почвенное понятие Родина. Истинный характер этого абсолютного начала жизни Сергей Есенин по «отличному совету» Блока пытался отыскать при раскачке между крайностями. В стихотворении «О Родина» (1917) он признался: «Люблю твои пороки, / И пьянство, и разбой». У крайностей есть низшие и высшие степени, доводящие человека или вещь до самого края, до грани, что обозначается словом «краеградный». С.А. Есенин говорил (1923) А.Б. Кусикову об исполнении упомянутого блоковского совета: «Раскачнитесь посильнее на качелях жизни». И я раскачнулся! И еще как раскачнусь!».

Категория «раскачивания», довольно естественная для Есенина, соприкасалась с жизнью при творческом погружении в революционную стихию. Эта стихия продвигала страну к библейской проблеме братоубийства (Каин и Авель), над россиянами тяготело зловещее суждение П.Я. Чаадаева о том, что мы есть великий пример того, как не надо жить, и когда дадим его миру, то неизбежно погибнем. Погибла романовская монархия и вместе с нею империя. Но россияне представляют собою зерно, о котором сказано мудрыми словами: «То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет».

Февраль, Октябрь, Ноябрь (выборы Учредительного собрания) — сделали российскую революцию пацифистской и общенациональной. Величие, по мысли Блока, досталось даже Октябрьской революции с ее требованием Мира. В глазах Есенина трехступенчатая революция не-

отделима от «пришествия» Христа, «товарища Иисуса». Богочеловек — не только с нами, наш — народный, и мы, революционный народ, ведомы Спасом; мы слышим новую Благоую весть. «Хвалите Бога!» (С. Есенин).

Блоку было не до похвал, он мучительно познавал таинственного Христа, автору «Двенадцати» не понравился конец поэмы, но Иисус появлялся и появлялся наперекор даже авторскому намерению. «Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я глядел, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: к сожалению, Христос»²³. Позволительно к этому прибавить фразу о Христе из блоковского Дневника: «Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак»²⁴.

У Сергея Есенина, принявшего революцию, с именем Христа связано все многообразие явлений и действий, вся есенинская мудрость и ясновидение. Об этом написано премного, включая и мною²⁵. Здесь же достойно назвать мистический опыт Есенина реальным и прорицательным, оперативным и деятельным. В нем человеческий дух связан с божественной Троицей. Приобщаясь к христианскому строительству, Есенин совершает это через свою пророческую миссию. Ее первой задачей был поиск «живой религиозной правды» (формула С.Л. Франка). Благодаря этой правде мечты Блока и Есенина о преображении России разбивались о страшную действительность 1918 г. Если к мирному Февралю и разбойному Октябрю 1917 г. применим синоним «черного года» («Когда царей корона упадет...»), поскольку Россия останется и без царя, и без Временного правительства, арестованного большевиками, то для последующего периода (1918-1922) наиболее адекватно бунинское наименование «Окаянные дни»: «Каин России... восторжествовал полностью». Многие публицисты возвращаются сегодня к «Окаянным дням», как «к честному, верному и умному свидетельству о русской революции»²⁶. Я же читаю-перечитываю эссе Марины Цветаевой «Поэт и время», в котором гениально исследуется С. Есенин в темпоральном контексте России²⁷.

Объективность триединости Февраля, Октября, Ноября позволяет нам перенести понятие «жизнь» в собственном смысле на такие собирательные целые, как российский организм, русский народ, всероссийская нация. И эти части российскости, т.е. отечественной целостности,

совершили революцию во имя идей правды, справедливости и мира. Это хорошо понимали Блок и Есенин.

В России произошла антимонархическая национальная революция. Это — более правильное название Февральско-мартовской революции, участники которой боролись за российский пацифизм. Февраль рождался из пороков российской государственности, которая ввергла народ во всемирное побоище.

Октябрьское восстание было большевистским «переворотом» (Блок) в борьбе за мир в мировом пролетарском контексте. Но по иронии судьбы восстание обернулось в январе 1918 г. антидемократическим переворотом против «народоправства» (Блок). Это бедствие угрожало национальной России. С. Есенин выступил с программой «Инония».

1917 г. продвигал идею общероссийской гражданственности, выстраданное понятие *Гражданина*. Из варварства войны возникли революционный пацифизм и глобальная идея мира. Подтвердилось слово пророка Исайи: «Изведи драгоценное из ничтожного».

Единственный способ достичь ясности о 17-м г. — это начать думать, опираясь на исторические события, имеющие время и место. Высший смысл революции будоражили умы Блока и Есенина. Армия перекинулась на сторону большевиков, защищавших правду, смысл и возможность немедленного мира. Временное же правительство не взяло под свою защиту идею скорого заключения мира. Но перед своей совестью Россия никак не могла оправдать войны. Даже чтя своих святых воинов, народ никогда не считал воинов, как таковых, за святых. Имея это в виду, даже профессора — кадеты держали всенародную мечту о мире под подозрением. Ситуацию с российской гражданственностью верно анализировал философ Ф. Степун. Он понимал и об этом писал: «последнюю причину всего, что случилось с Россией, надо искать в том, что народное понимание революции как миротворческой силы, долженствующей положить конец безумию и греху войны, не разделялась ни одним из политических лагерей, кроме большевиков»²⁸.

Принимая гражданственность левого и правого лагерей революции, подтверждая суждение о том, что Блок и Есенин персонифицировали народную идею революции, мы вправе видеть во всех революционных событиях 17-го их народно-национальное основание. Думаю, что эту революцию наши гении назвали бы народной, национальной, гражданской. В дневнике Блока (7 января 1919 г.) есть запись: «...какое освобождение и какая полнота жизни в 1917 г.». Есенинский взгляд на революцию выражен в его письме А.Б. Кусикову от 7.02.23 г., в признании, что он не принадлежит к революции «ни к февральской, ни

²³ Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт. М.: Русский путь, 2010. С. 50.

²⁴ Блок А.А. Дневник // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.-Л., 1963. С. 330.

²⁵ Симуш П.И. Поэтическая мудрость С.А. Есенина. М.: ИФ РАН, 2008.

²⁶ Мейер Георгий. У истоков революции. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. С. 59.

²⁷ Цветаева Марина. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. М., 2010. С. 768-776.

²⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 378.

к октябрьской...»; в душе Есенина «скрывается какой-нибудь ноябрь»²⁹.

Была ли революция 1917 г. великой? Многие здравомыслящие люди считают, что ни одна цель не стоит того, чтобы развязывать гражданскую войну или вооруженное восстание. Но развязанное всемирное побоище нельзя было остановить ни убеждением, ни миролюбивой пропагандой. Образованная Россия знала, что в определенных обстоятельствах, которые существовали прежде, право на революцию было весьма важным правом. По примеру Блока и Есенина мы вправе сказать, что справедливой революцией является та революция, которая ставит перед собой человеческие цели и ценности. Что касается несправедливой революции, то она стремится к тирании меньшинства. Таковым стал переворот 6 января 1918 г., открывший путь к диктатуре большевизма.

Революция 17-го г., музыку которой услышали поэты Серебряного века, наложила свой отпечаток на все мировые дела и события. Всемирно-историческое значение советского опыта состоит в том, что он с потрясающей резкостью и трагической силой решал классическую проблему «Свобода — равенство — братство». Но представляя собой проблему трех столетий, сочетание свободы, справедливости и солидарности становится роковым вопросом и для XXI в. К его началу Россия отказалась от большевистского мировоззрения и задумалась о новом выборе: построить жизнь в широком и глубоком значении гуманизма. Поэтому, идя

назад к национальной революции 1917 г., которую можно считать великой революцией, возможно создать желанный для нас образ медианной России как срединной державы. Об этом образе размышляли Блок и Есенин, выстраивая культуру национального самосознания.

Трагическая гибель Сергея Есенина напоминает о необходимости соблюдения чувства меры и закона умеренности. По опыту великой революции 17-го г. нам, россиянам, надлежит создать новый духовный закал, призванный воплощаться в жизни и в действии. В их содержании неизменно присутствует вопрос о взаимоотношении России и революций: смогут ли отцы и деды не совершать нового преступления перед детьми и внуками? Какой выбор сделает поколение двух тысячелетий? Революция Семнадцатого года предполагает истину об общероссийской гражданской нации. Ясно, что создавать ее будут не подданные РФ, а российские свободные граждане. Интегральный взгляд на великую революцию — синтез науки, философии и богословия — позволит нам понять Благою Весть Провидения о том, что произошло в 1917 г. и почему надо задуматься над космической информацией есенинского «Певущего зова». Историческая память о реалистической мистике призывает нас: «Жить надо легче, жить надо проще, / Все принимая, что есть на свете» (С. Есенин). Только при этом условии постигается российская медианность — один из ее таинственных кодов, сочетаемый с кодом человечности.

Список литературы:

1. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997-2010.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8-и т. М.-Л., 1960-1963.
3. Блок А.А. Собр. соч.: в 6 т. Л., 1980.
4. Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт. М., 2010.
5. «Александр Блок» Владимира Набокова. М., 2012.
6. Есенин С.А. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1977.
7. Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. М., 1995.
8. «Сергей Есенин» С. Куняева. М., 1995.
9. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5-ти т. М.: ИМЛИ РАН, 2003-2010.

References (transliteration):

1. Blok A.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20-ti t. M.: Nauka, 1997-2010.
2. Blok A.A. Sbranie sochineniy: v 8-ti t. M.-L., 1960-1963.
3. Blok A.A. Sbr. soch.: v 6-ti t. L., 1980.
4. Chukovskiy K.I. Aleksandr Blok kak chelovek i poet. M., 2010.
5. «Aleksandr Blok» Vladimira Nabokova. M., 2012.
6. Esenin S.A. Sbranie sochineniy: v 6-ti t. M., 1977.
7. Sergey Esenin v stikhakh i zhizni. Pis'ma. Dokumenty. M., 1995.
8. «Sergey Esenin» S. Kunyaeva. M., 1995.

²⁹ Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. М.: Республика, 1995. С. 123.